

Юлия РАХАЕВА

Лошадью ходи! Век воли не видать...

О шахматах в литературе

После выхода сериала «Ход королевы» (2020) во всем мире очень сильно вырос интерес к шахматам.

Из Википедии

Власти Афганистана объявили, что отныне шахматы в их стране — харам.

Из новостной ленты

А вот в СССР шахматы любили, казалось, все и всегда. И тот массовый ажиотаж, который так прекрасно показан в сериале «Ход королевы», не выдумка авторов фильма. Да и могло ли быть иначе, если начиная с 1946 года советские шахматисты более четверти века удерживали шахматную корону? Но в 1972 году случилось страшное — у СССР эту корону отобрали. И не в современном мерзком стиле, манипулируя пробирками с мочой, а самым честным образом: их Роберт Фишер выиграл первенство мира по шахматам у нашего Бориса Спасского. Было обидно, да. Шахматные фанаты по всей стране рвали на себе волосы, а те, у кого уже не было что рвать, посыпали голову пеплом. И лишь один Владимир Высоцкий с присущим ему особым талантом смог превратить эту трагедию в патриотическую комедию. Он написал диптих, который так и назвал: «Честь шахматной короны».

Я кричал: «Вы что там, обалдели?
Уронили шахматный престиж!»
Мне сказали в нашем спортотделе:
«Вот, прекрасно — ты и защитишь!»

Но учти, что Фишер очень ярок,
Даже спит с доскою — сила в ём,
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок,
И у меня в запасе — ход конём.

Это была «Подготовка». А вот собственно «Игра»:

Только прилетели — сразу сели.
Фишки все заранее стоят.
Фоторепортёры налетели —
И спячат, и с толку сбить хотят.
<...>
Выпало ходить ему, задире, —
Говорят, он белыми мастак!
Сделал ход с е2 на е4...
Чтой-то мне знакомое... Так-так!

К тому, почему герою Высоцкого показался знакомым ход е2-е4, мы еще вернемся. Но игра идет дальше. Близится развязка:

Только зря он шутит с нашим братом,
У меня есть мера, даже две:
Если он меня прикончит матом,
Так я его — через бедро с захватом
Или ход конём — по голове!
<...>
Вот я его фигурку смерил оком,
И когда он объявил мне шах —
Обнажил я бицепс ненароком,
Даже снял для верности пиджак.

И мгновенно в зале стало тише,
Он заметил, что я привстаю...
Видно, ему стало не до фишек —
И хвалёный пресловутый Фишер
Тут же согласился на ничью.

Но вернемся к е2-е4. Где же мог попасться герою Высоцкого этот классический открытый дебют? Да примерно везде! Как минимум в романе Ильфа и Петрова «12 стульев». И даже если он не читал книжку, то уж точно видел экранизацию (к моменту написания песен уже существовал фильм Леонида Гайдая). Потому-то ход е2-е4 и показался защитнику чести шахматной короны смутно знакомым.

Или читаю я рассказик Александра Куприна «Марабу», написанный в 1909 году. И понимаю: а ведь Ильф и Петров (ну или кто-то из них) тоже, похоже, его читали! Там молодой человек от нечего делать начинает троллить (как бы мы сейчас сказали) шахматистов, похожих своей серьезностью на птицу марабу. Он делает на всех досках ход е2-е4. А как дальше, не знает, начинает откровенно валять дурака. Когда шахматисты пытаются возмутиться, он им говорит, что играет гамбит Марабу.

Этим рассказом открывается сборник «Шахматная новелла» (вышел в 1989 году в издательстве «Физкультура и спорт»). Его вполне можно назвать своего рода шорт-листом лучшего из лучшего, появившегося в XX веке в литературе и связанного с шахматами.

Составитель сборника Юрий Архипов является и автором большой вступительной статьи. Его эрудиции в области шахмат,

да и литературы, можно позавидовать. Именно из его статьи я узнала, что отсчет чего-то более-менее достойного на тему «Шахматы в литературе» начинается с 1564 года, с поэмы поляка Яна Кохановского «Шахматы». Легко нашла ее в интернете, в переводе Всеволода Рождественского. Завязка не сильно оригинальнее названия: на руку принцессы претендуют двое. А вот дальше интересно: им предстоит шахматный поединок. Играют долго, в конце концов откладывают партию в положении, когда на завтра должен проиграть тот, кто успел завоевать сердце красавицы. Спойлер: все заканчивается хорошо. Кстати, именно в этой поэме сформулирован принцип, которого и сегодня так трудно придерживаться. А именно: «Коснулся — и ходи фигурой сразу».

Конечно, и до этой поэмы шахматная тема так или иначе (но не как сюжетообразующая) фигурировала в произведениях самых разных авторов. Поскольку шахматы пришли с Востока, сначала они появились в поэзии Фирдоуси, Хайяма, Низами, Саади и Навои, в арабских сказках «Тысячи и одной ночи». Ну а когда эта игра пришла в Европу, ее узнаваемым колоритом воспользовались в своих произведениях Боккаччо и Рабле, Данте и Шекспир, Сервантес, французские энциклопедисты и много кто еще.

В России сразу приходит на ум первый и в этом тоже Пушкин. Ну помните, конечно (играют Ольга и Ленский):

Уединясь от всех далёко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берёт в рассеянье свою.

Некоторое время спустя, другая страна — и вот уже у Александра Дюма кардинал Франции Арман де Ришелье играет в шахматы с врагом наших любимых мушкетеров герцогом Рошфором, а также учит играть самого из них любимого — д'Артаньяна.

А вскоре вторую часть своей знаменитой «Алисы» пишет английский писатель, математик и много кто еще Льюис Кэрролл. Кое-кто и сегодня, прочитав «Алису в Зазеркалье», вопрошает в комментариях: что употреблял автор, когда это писал? И ответ на этот вопрос проще, чем может показаться! Ведь незадолго до того, как написать продолжение приключений Алисы, Кэрролл побывал в России, по которой путешествовал на поезде. В дороге, если было с кем, он играл в дорожные шахматы собственного изобретения. Россия и шахматы — вот что Кэрролл употреблял.

Исследователи творчества писателя считают, что «Алиса в Зазеркалье» — это описание шахматной партии, которую главная героиня начинает белой пешкой и завершает ферзем. Но речь, конечно, не о классических шахматах. Например, там происходит рокировка у черной и белой королей и еще много такого, чего не может быть, потому что не может быть никогда.

Одним из первых перевел «Алису...» Кэрролла на русский язык Владимир Набоков. Его перевод назывался «Аня в стране чудес». Как будто в России не знали имя Алиса! Или именно потому, что слишком хорошо его знали (русскую царицу Александру Федоровну в девичестве звали Алисой Гессенской).

Нас же в данном случае интересует Набоков — автор «Защиты Лужина». Но что нового можно сказать об этом абсолютном шедевре? Хотя... При последнем перечитывании меня заинтриговал образ Валентинова, злого гения несчастного главного героя. Интересно, что человек с таким псевдонимом был соратником, а затем идейным противником Ленина, в эмиграции писал антиленинские книги. В одной из них он описал, как они с будущим вождем играли в шахматы. Просто совпадение? Как знать...

Но вернемся к шорт-листу. Перед «Защитой Лужина» и сразу после «Марабу» в сборнике идет «Деревянная королева» Леонида Леонова. Это и притча, и развернутая метафора размером с целый рассказ, и Зигмундом Фрейдом изрядно попахивает. Юрий Афанасьев сравнивает эту вещицу с сонатой. Спорить не буду, но написана эта соната не классиком или романтиком, а, прости господи, нововенцем каким-то или еще более невыносимым авангардистом.

После русских в сборнике следуют произведения иностранных авторов. И открывает раздел не менее знаменитая, чем роман Набокова, «Шахматная новелла» Стефана Цвейга, давшая имя всему сборнику. Эта мастерски сделанная вещь о двуединстве добра и зла — на примере шахмат, конечно, — была найдена в рукописях покончившего с собой автора в далекой Бразилии.

За Цвейгом идет Мигель де Унамуно. Более философ, чем писатель. Его «Новелла о Доне Сандальо, игроке в шахматы» рассказывает о человеке, ушедшем в мир этой старинной игры и переставшем интересоваться чем-либо еще.

Завершает сборник роман Камилла Бурникеля «Темп». Читается эта объемная вещь трудно: плотно набранный мелкий шрифт и всему сборнику не пошел на пользу, а тут... Но если роман как следует разверстать, да заново перевести, да отредактировать — получилась бы толстенькая такая, но удобочитаемая книжка. А оно того стоит! Арам Мансур — гениальный шахматист. Он не знал своих родителей, зато ему необычайно везло практически во всем остальном. В том числе и в шахматах. Но, став чемпионом мира, Арам внезапно бросает все и растворяется в пространстве. Бурникель писал свой роман по горячим следам сенсационного бегства из больших шахмат Роберта Фишера. И хотя герой романа совсем на него не похож, буря, вызванная поступком Фишера, очевидным образом отразилась на самой атмосфере романа «Темп». Интересно, что своего героя автор поселяет в Монтре, где долгие годы жил и умер его кумир Набоков.

Можно, конечно, расширить предложенный Юрием Архиповым шорт-лист. Поклонники Владислава Крапивина назовут «Топот шахматных лошадок». Фанаты Александра Казанцева будут «топить» за его повести и рассказы. И как обойтись без детектива Артуро Перес-Реверте

«Фламандская доска»? Да и роман Уолтера Тевиса «Ход королевы», по которому был снят нашумевший и вызвавший просто цунами нового интереса к шахматам сериал, тоже достоин прочтения.

Я ни в коем случае не претендую на полноту охвата необъятной, на самом деле, темы «Шахматы в литературе». Искусство, как известно, всегда в большом долгу. Но у литературы перед шахматами точно никакого долга нет.

А завершу я свой обзор относительной новинкой, на выход которой откликнулись критики, пожалуй, всех, а особенно *тех* литературных лагерей. Это «Табия тридцать два» Алексея Конакова. Россию переучреждают. Чтобы сделать из нее прекрасную Россию будущего, необходимо убрать корень зла — русскую литературу. Все эти ужасные Пушкин с Лермонтовым, Достоевский с Толстым, Тютчев с Тургеневым — это же сплошной империализм, шовинизм, антисемитизм и мизогиния. Роль, которую играла великая русская литература, надо отдать чему-то другому. Но чему? Стали перебирать:

Русская философия — глубоко вторична и (будучи смесью религиозного угара с криптофашизмом) опасна не меньше литературы. Русский кинематограф и русская академическая музыка, за редкими исключениями, — унылое повторение западных идей. Русская кухня — слишком кислая. Русская эротика — слишком пресная. Футбол в России любили, но играть никогда не умели. А вот хоккей выглядел интересным решением, но... эти страшные острые коньки!

Задумывались и о русском балете... Но тут пришло озарение: шахматы! И сразу все безопасно расцвело и заколосилось. Памятники отныне стали ставить сплошь выдающимся шахматистам прошлого. Изучать и анализировать — исключительно их творчество. Все переименовали. А что-то наполнилось новыми смыслами. Например, станция метро «Спаская» — ну понятно же, что в честь Бориса Спасского. Да и речка Карповка — известно чье имя носит! Естественно, возник и производный от новой культурной ситуации фольклор. Например, вместо «О, Боже» стали говорить: «О, Каисса». Появились и свои скабрёзности: «Играющие Староиндийскую быстро кончают! <...> Ну да ладно, хотя бы не принятый Ферзевый — это уж совсем импотенция». А вот что один из персонажей писал девушкам: «При мыслях о тебе моя пешка превращается в ферзя!»

Шахматами в этом дивном новом мире пронизано, как вы уже поняли, все. Однако лично я, при всей своей любви к этой прекрасной старинной игре, не готова к такой замене. А потому — да здравствует великая литература! И да расточатся враги ее.